

**ВЛАДИМИР
ТОРИН**

**БОГУ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ,
ДЕМОНЫ И АНГЕЛЫ ПО СЕЙ ДЕНЬ
ВМЕШИВАЮТСЯ В ЖИЗНЬ ЛЮДЕЙ**

ПРОЩАНИЕ С ГИПЕРБОРЕЕЙ

**ОБНАЖЕНИЕ ТАЙНЫХ
ПРУЖИН И МЕХАНИЗМОВ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ**

**НЕОБЫЧНАЯ
ИСТОРИЯ ЛЮБВИ**

Владимир Александрович Торин

Прощание с Гипербореей

Серия «Городская проза»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68891463
Прощание с Гипербореей: Издательство АСТ; М.; 2023
ISBN 978-5-17-154524-6

Аннотация

Боги древних цивилизаций, демоны и ангелы по сей день вмешиваются в жизнь людей. Иначе порой не объяснить весь абсурд происходящего, все опасности и ужасы, войны, эпидемии и катастрофы. Боги просто ставят эксперименты над человечеством, питаются нашими эмоциями – вернее, особым веществом, которое вырабатывается в воздухе, когда мы любим или злимся, страдаем или защищаем свою честь.

Обнажение тайных пружин и механизмов человеческой жизни – на фоне самых острых современных событий – и необычная история любви двух жителей огромного мегаполиса.

Об этом роман Владимира Торина «Прощание с Гипербореей».

Содержание

Вместо предисловия	5
1. Маскарад	11
2. Время	20
3. Эфир	27
4. Плантация	36
5. Эпидемия	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Владимир Александрович Торин Прощание с Гипербореей

*Он жил, не зная, жив ли он,
Переходя тысячекратно
От жизни к смерти и обратно...*

Эндрю Марвелл (Англия, XVII век)

*Я – довольно молодой бог...
Максим Леонидов (Россия, век XXI)*

© Текст. Владимир Торин, 2023

© ООО Издательство АСТ, 2023

Вместо предисловия

Это странное письмо вынырнуло из каких-то неведомых и потаённых глубин социальных сетей. Адресованное мне, оно было отправлено с загадочного аккаунта, носившего длинное-предлинное имя, состоявшее только из цифр. В письме содержался файл, который назывался «Прощание с Гипербореей», и его предваряла короткая запись-команда: «Опубликуй это!» Ни ответа, ни привета, ни каких-либо данных об авторе.

Я тогда был очень увлечён проектом «Ковдор – столица Гиперборей», который группа энтузиастов реализовывала за Полярным кругом, в небольшом городке Мурманской области, и подумал, что присланное как-то с этим северным городом связано, поэтому совершенно не удивился. Когда же я прочитал подзаголовок «Первая книга оттуда» и проскочил первые главы, у меня появилось очень много вопросов. Однако все мои попытки связаться с аккаунтом 3,1415926535897932384626433.com оказались обречены на провал: такого аккаунта уже не существовало, несмотря на то что всего несколько минут назад письмо мне было отправлено именно с него.

Я пытался найти человека, отправившего мне это письмо, при помощи самых разных экспертов, даже представителей силовых структур, которых знал ещё со времён войны в

Чечне. Я отвлекал их от того, что сегодня называется специальной военной операцией на Украине, и очень убедительно уговаривал помочь мне найти автора. Они куда-то пропадали на несколько дней, а потом беспомощно разводили руками и удивлённо говорили мне что-то типа: «Первый раз такое вижу, помочь ничем не могу».

Тогда я отправился за помощью к моему другу, повелителю социальных сетей, весьма авторитетному персонажу в этих делах, человеку умному, креативному, но чрезвычайно ранимому и одинокому. Чтобы скрасить своё одиночество, он даже стал депутатом и прошёл в парламент от одной весьма маргинальной партии, что, правда, ему тоже не помогло. Одинокий человек похлопал себя по пузу, почесал лысину, выпил стакан виски и благосклонно махнул рукой – мол, вычислим автора, не переживай! Но прошло несколько дней, и он заговорил по-другому.

– Ну зачем, зачем вообще тебе понадобилось выяснять, кто это пишет?! – неожиданно возмутился он, бегая по комнате и взмахивая руками, как будто собирался взлететь. Это могло означать только одно: он бессилён чем-то помочь. – Ну попробуй подойти к этому вопросу философски: какая вообще разница, кто это написал? – Повелитель социальных сетей остановился и важно постучал кредитной карточкой по фарфоровой тарелке, украшенной звездой на дне. – Важно ведь, не кто написал, а что!

Он возмущённо фыркнул и решительным шагом устре-

мился на балкон своего красивого дома в Старомонетном переулке, чтобы дать мне таким образом понять, что разговор закончен.

– Это же просто замечательно! – прочитав первые две главы, воскликнула моя старинная подруга, замечательная певица и заслуженная артистка России. Она, женщина яркая, заметная и фантастически красивая, недавно громко вышла замуж и справедливо считала, что все её друзья должны тоже быть счастливы. – Сделай из этого учение и выступай с концертами! Сейчас ведь такое непростое время! Никто не понимает, что делать и как быть. А у тебя здесь рассказано, как надо жить и почему всё это в мире происходит.

Всю дорогу, пока ехал от Николиной Горы, я думал над этими словами. Может, и вправду странным образом попавший ко мне текст тянет на учение или основу для модного ныне коучинга?

Когда спустя несколько дней я уже всерьёз начал размышлять над этим, текст прочитал ещё один мой друг.

– Сделай из этого книгу, чего ты мучаешься! – посоветовал мне этот друг, снабжавший могущественные кремлёвские башни необходимой аналитикой, выразительными диаграммами и позитивными цифрами. Он почесал редкую бородку клинышком и, сверкнув стёклами очков, загадочно проговорил: – Очень необычно. Неужели действительно тебе такое прислали?

Он, как человек учёный, привык во всём всегда сомне-

ваться, а особенно в текстах, присланных с подозрительных аккаунтов. С другой стороны, в какой-то момент я уже начал думать, что сомневается мой друг совсем в другом – не сам ли я написал этот текст, а теперь морочу ему голову. Я успокоил его, сказав, что текст писал не я, и, кажется, слегка его этим разочаровал.

Спустя несколько месяцев, так и не сумев отыскать загадочного автора, я распечатал «Прощание с Гипербореей» на принтере, сложил листы в папку для бумаг и отправился в одно известное книжное издательство.

Меня встретил очень обходительный ответственный редактор отдела современной прозы Семён Эдуардович Кацнельсон. Он читал быстро, профессионально, решительно переворачивая лист за листом. В каких-то местах он улыбался, в каких-то бесшумно шевелил губами, а в каких-то откровенно грустил. Когда Семён Эдуардович перевернул последний лист, он стал совсем грустным и печально произнёс:

– Это очень хорошо.

– Если хорошо, почему же вы говорите об этом так грустно? – удивился я.

– Очень неразумная затея всё это издавать. – Семён Эдуардович горько вздохнул и проговорил сокровенное: – Если даже не вспоминать о том, что вообще вокруг происходит... Понимаете, ежегодно в Москве выпускается сто тысяч совершенно новых книг общим тиражом более миллиарда экземпляров. Откровения вашего таинственного автора, даже

если они действительно несут что-то важное для человечества, скорее всего, просто останутся незамеченными на этом гигантском книжном рынке. Поверьте моему многолетнему опыту. Так стоит ли пытаться?

И я был с ним согласен. Даже если бы сегодня Всевышний вдруг решил впервые издать вместе с Семёном Эдуардовичем Кацнельсоном Библию и сам участвовал в её презентации в книжном магазине где-нибудь на Новом Арбате, он в лучшем случае мог бы рассчитывать на пару селфи с несколькими случайными посетителями, разыскивающими полку с учебниками по личностному росту.

Но я уже ничего не мог изменить. Я понимал, что стал заложником этой ненапечатанной книги, многие мысли из которой с каждым днём почему-то становились всё понятнее и ближе. «Опубликуй это!» – звучало во мне громогласным призывом неведомого автора, который очень хотел открыть людям глаза на важные, простые и неуловимые истины, которые сделали бы их жизни в тысячи раз лучше.

Очень много лет назад я смотрел пронзительный фильм Милоша Формана «Пролетая над гнездом кукушки». Там персонаж совсем молодого Джека Николсона предлагает сбежать из сумасшедшего дома, разбив решётку окна мраморной колонкой из душевой. Ему справедливо возражают, что колонка очень тяжёлая и её невозможно поднять. Но герой всё равно много раз пытается её поднять, хотя и безуспешно. После чего он говорит важные слова: «Ну я хотя

бы попробовал!» И все понимают, что если ничего не пробовать, то ничего никогда и не получится.

В наше страшное и стремительное время искусственного интеллекта, виртуальных встреч, торжества цинизма, мировых эпидемий, масштабных революций, жестоких международных конфликтов, уличных беспорядков и смертоносных войн, удивительным образом сочетающихся с тотальным контролем государственной власти над гражданами, время абсолютной закрытости людей друг от друга, но при этом их поразительной ранимости и доступности друг для друга – мы удивительным образом пропускаем что-то действительно важное и ценное, о чём потом обязательно жалеем.

Возможно, это как раз то, о чём написал неведомый автор, сочинение которого мне всё-таки удалось издать. Надеюсь, что тот, кому всё-таки захочется однажды раскрыть глаза на многие необъяснимые на первый взгляд явления, эту книгу обязательно найдёт и прочитает.

И главное, я хотя бы попробовал.

С уважением, Владимир Торин

1. Маскарад

Здравствуй! Я очень рад тебе! Поверь, хотя ты ничего обо мне и не знаешь. Поверь уже хотя бы потому, что ты – это я. Согласен, звучит странно. Конечно, мы не похожи друг на друга, мы совсем не похожи. Впрочем, многие из ваших мыслителей всегда были уверены в обратном. Мы постоянно вместе, мы не можем прожить друг без друга, я знаю о тебе всё и даже больше, чем ты знаешь о себе сам. Ты же о моём существовании смутно догадываешься, но ничего не знаешь наверняка. Ты иногда сочиняешь про меня невероятные истории и строишь смелые догадки.

Я сплетён из странной смеси твоих страхов, фантазий, волнений, тревог, сомнений и надежд. Если хочешь, можешь представить меня в виде ангела. Белокурого и с крыльями, как на полотнах Рафаэля. А можешь, наоборот, представлять меня в виде демона. Чёрного, с копытами и рогами. Или нет, лучше другого демона, такого лохматого красавца, как на картине Врубеля, который задумчиво сидит, обхватив мускулистыми руками колени. Так мне нравится больше.

Это забавно, но ты даже не подозреваешь, что все эти ангелы, демоны, боги, черты, привидения, судьба, фатум и прочие труднопредставляемые субстанции суть одно и то же. Просто игра какого-то могущественного и всесильного существа. Которое к тому же старше тебя лет примерно на сто.

На сто тысяч лет.

Я был всегда с тобой и долго ещё буду с тобой. А потом ты умрёшь, а я буду жить ещё долгие тысячи лет. Но пока я с тобой. Для тебя важнее, что я был с тобой всегда. Например, я очень хорошо помню, как ты первый раз в жизни объяснялся в любви. И я был с тобой, когда эта любовь неожиданно прошла. В ту секунду я был ветром, который обжёт холодом твои мокрые щёки, когда ты думал, что тебя никто не видит, и плакал, сидя на скамейке в её дворе.

Я твой дальний, давно умерший родственник, которого ты вчера неожиданно увидел во сне. Я смеюсь, когда ты пытаешься вспомнить, что он тебе хотел сказать. Потому что я специально сделал так, чтобы ты не вспомнил. Но сегодня я сделаю так, что ты всё вспомнишь. И воспоминание спасёт тебя. Но это случится чуть позже.

А ещё я кошмар твоего детства – ощущение, что мама, которая ушла в магазин и попросила тебя «посидеть тихо», кажется, уже больше никогда не вернётся. Боже, как ты тогда кричал от отчаяния в свои полновесные четыре года! Было очень забавно. А потом мама, конечно, вернулась, и ты плакал от счастья, обхватив её своими маленькими руками и ногами. А ещё это я направлял твою руку тогда на экзамене, когда ты знал только один билет и вытащил именно его! Никакая это не «пруха» была, а просто я решил тебе помочь! О, как ты был тогда счастлив! И с Валею тоже. Помнишь? Это я заставил её тогда вернуться на твой дурацкий день рожде-

ния. И это звенящее ощущение абсолютного счастья и опустошённости после получаса неумелой возни и прерывистого дыхания – всё это я для тебя придумал!

Поэтому я для тебя – всё. Всё и ничего, потому что ты меня никогда не увидишь и не узнаешь. Тебе совершенно незачем знать, кто я и как меня зовут, потому что попытка познать моё имя почти наверняка отнимет у тебя весь остаток и без того не очень долгой человеческой жизни. Ну, только если не вмешается от скуки кто-нибудь из наших. Но всё равно, попробуй потратить свою короткую земную жизнь на что-нибудь другое. Важнее сейчас не кто я, а, например, кто ты. Как тебя зовут?

«Павел Сергеевич Корольков», – затравленно говоришь ты и начинаешь судорожно кашлять. Понимаю, неожиданно. Я, собственно, сам не понял, зачем полицейский ткнул тебя рукояткой дубинки под дых. Ты же не сопротивлялся, стоял, как было велено, нелепо растопырив ноги и положив руки на капот полицейского автомобиля. Зачем было бить?

А, теперь понимаю, в чём дело. Это Кукулькан вредничает. Соткался только что из воздуха рядом. Придумал себе этот идиотский образ и вот уже три тысячи ваших земных лет в нём всячески развлекается. Бедняга Павел Сергеевич Корольков даже не подозревает, что рядом с ним сейчас важно расхаживает странный персонаж и управляет действиями полицейского. Персонаж этот – очень высокого роста, весь покрыт разноцветными перьями, как будто он – огромная

птица, но лицо у него человеческое, обрамлённое большой косматой бородой. Над правым плечом у него угрожающе покачивается голова огромной кобры. Жёлтые немигающие глаза кобры внимательно смотрят на полицейского. Кукулькану нравится этот эффектный наряд, который, правда, видим только мы.

Впрочем, за прошедшие три тысячи лет Кукулькана несколько раз видели и обычные люди. Это происходило во время каких-то особенных и невероятных событий, о которых, наверное, здесь следует написать, и я обязательно это попозже сделаю. События эти всегда рождали большое количество легенд и предрассудков. Чтобы как-то задобрить этого вредного типа, сотни тысяч людей строили пирамиды в Южной Америке, приносили кровавые жертвы в храме, названном именем злого бога, про которого на всякий случай старались придумывать добрые истории. Кукулькана это очень веселило. Он начинал кровавые войны, устраивал какие-то жуткие эпидемии, во время которых эти самые сотни тысяч восхвалявших его людей бесславно гибли.

Про эпидемию я, конечно, скоро тоже расскажу. Потому что без эпидемии вообще не случилась бы, наверное, вся эта история. Я просто начал издалека. Поэтому я и рассказываю тебе про Кукулькана. Иногда Кукулькан вредничает по мелочовке. Ну, как сегодня.

Полицейский подумал ещё мгновенье и вдруг решительно протянул Павла Сергеевича Королькова дубинкой по спине.

Тот охнул и опустился на одно колено. Опускаясь, студент Высшей школы экономики Корольков задел картонный плакат «Мы – за свободные выборы!», лежавший на крыше машины, и плакат с грохотом упал на асфальт. Полицейский, казалось, сам удивился собственной жестокости, а удивляться, собственно, было нечему. Он просто не знал, да и не мог знать, кто сейчас управляет его действиями. Ну а после этого Кукулькан начал управлять студентом. Павел вдруг коротким тычком двинул полицейского в пах. Страж порядка сложился пополам, а Павел вскочил и бросился наутёк.

Шумела Тверская. Люди выкрикивали лозунги, полицейские пытались вразумить митингующих через мегафон. Вся площадь перед московской мэрией выделяла мегатонны драгоценного эфира в подрагивающий московский воздух. За Павлом побежали сразу несколько полицейских. Я пожалел парня и немного раздвинул толпу. Павел ломанулся в открывшийся проход. Полицейские – за ним.

Кукулькана я не люблю. И даже не в людях тут дело. Конечно, мы все знаем Канон, но зачем так, по-мелкому, пако-стить? Кукулькан взглянул на меня залитыми кровью глазами и прорычал что-то нечленораздельное.

Нет, ну а что? Хочешь потягаться, давай попробуем.

Павел сворачивает в переулок. Полицейские бегут за ним, смешно размахивая руками. Они в шлемах, в тяжёлой экипировке. Отстают. Ещё совсем немного – и можно будет скрыться за углом, в подворотне. Павел так и хочет сделать.

Но Кукулькан взмахивает руками, студент неожиданно спотыкается и растягивается во весь рост на мостовой. Змея на плече Кукулькана удовлетворённо жмурит жёлтые глаза.

Тогда я открываю дверь одного из подъездов большого сталинского дома. Сломан домофон. Бывает. Корольков неожиданно вспоминает, что говорил ему сегодня ночью приснившийся и давно умерший дедушка: «Подъезд. Дверь подъезда! Она открыта! Беги туда». Студент бросается в спасительный подъезд. Мчится вверх по большой лестнице со старинными перилами. Полицейские сейчас тоже завернут за угол. И, конечно, поймут, что преследуемый наверняка в подъезде. И тут появляется Эо.

Эо – умница. Ей очень нравится человеческая любовь. Она просто купается в этой любви, которую творит повсеместно. Она спускается с неба, белые одежды её развеваются, а от лица исходит яркое сияние. Такой образ она себе выбрала. На мой взгляд, ничего особенного, попса какая-то. Что-то среднее между Богородицей и Верой Брежневой. Ну, раз ей так нравится, пусть будет, я, вообще-то, не против! Дверь одной из квартир открывается, на лестничную площадку выглядывает юная девушка и видит запыхавшегося Королькова. Он кажется ей красивым и мужественным. Эдакий растрёпанный герой, попавший в беду.

Девушку зовут Марина, она художник. Ну, вернее, Марине хочется думать, что она художник, ведь надо, в конце концов, каждый вечер что-то рассказывать своим саратовским

родителям, которые, волнуясь и перебивая друг друга, задают ей наивные, но очень трогательные вопросы ещё об одном, только что прожитом столичном дне Марины.

В этот момент неожиданно очень громко проворачивается ключ в соседской двери напротив. Девушка понимает, что попавшего в беду героя нужно срочно спасать, пока дверь соседской квартиры не открылась полностью. Марина принимает решение молниеносно и жестом приглашает героя войти. Корольков вваливается в спасительный проём, Марина, не оглядываясь, захлопывает за ним дверь. В эту же секунду в подъезд вваливаются полицейские. Грохочут берцами по ступеням, но Королькова в доступном им пространстве больше нет.

Эо машет мне рукой откуда-то с неба. Я улыбаюсь. Кукулькан плюёт невидимой слюной на московскую мостовую и перемещается на площадь – там ещё много интересного.

Вдруг я вспоминаю, что за всей этой суетой не успел воплотиться в какой-нибудь образ. Раз уж я сегодня вспомнил картину про сидящего демона, то, пожалуй, имеет смысл им и оказаться. Готово! Теперь я загорелый мускулистый красавец с длинными чёрными волосами. По пояс голый и в джинсах. Почему в джинсах? Я хорошо вижу умирающего, совершенно невменяемого русского художника Врубеля в какой-то лечебнице в самом начале вашего двадцатого века. Конечно, никаких джинсов тогда в России и быть не могло. Кто из наших тогда заставил его написать эти синие штаны?

– Ганеша, это не штаны. Просто такая синяя ткань, – это мне из Гипербореи Крок говорит. С Кроком мы часто вместе. Крок – герой эфира.

Меня все зовут Ганешей. Это потому, что три тысячи лет назад мне очень нравилась Индия. Меня тогда привлекали живущие там люди и их обычаи, которые, если быть до конца честным, я, собственно, и создавал. В те годы я любил появляться в образе человека со слоновьей головой. Один из бивней был отломан, и это было очень важно, чтобы мою не спутали с какими-нибудь другими слоновьими головами! Это была моя «фишка». Я ломал бивень, навешивал на себя многочисленные золотые украшения и являлся людям во снах. Таким меня в Индии все помнят до сих пор. Весёлым богом, который помогает людям и любит жизнь. Через тысячу лет образ Ганеши мне разонравился, ну а имя так и осталось, не бросать же.

Но сегодня у меня смена образа! Где эта картина Врубеля? Я мгновенно возникаю перед полотном в Третьяковке. В зале много посетителей. А, понятно, тут большая выставка. Люди пришли за искусством. Терпеливо стоят в очереди на входе, а в залах кашляют и что-то шепчут друг другу. Ну, вот он, демон. Сидит в джинсах. Возвращаюсь обратно на Тверскую.

Специально иду мимо Кукулькана уверенным, размашистым шагом. Полуголый, в джинсах и босой! Длинные чёрные волосы романтично и бесстрашно развеваются. В чёр-

ных глазах горит огонь. Вокруг люди, ОМОН, автозаки. Красиво!

Я не знаю, зачем нам нужен этот странный маскарад из причудливых образов. Но он придуман не нами и за много тысяч лет стал традицией. Иногда какие-то из наших образов вдруг открываются людям. Ну, тогда уже, будьте уверены, они не могут забыть об этом за весь оставшийся им отрезок своей недолгой жизни! А иногда и за весь недолгий жизненный цикл своей цивилизации. Ну, как, например, у меня с Ганешей в Индии получилось.

Кукулькан противно хохочет и тычет в меня пальцем, считая образ врубелевского «Демона» недостаточно выразительным. А мне ничего, нравится. Взмахиваю косматой шевелюрой и отправляю запрос в Гиперборею – всё ли в пределах Канона? Впрочем, я и сам знаю, что всё в порядке.

Яркое солнце клонится к крышам домов. Накалённый московский воздух наконец разливается приятной прохладой и гонит эфир в Гиперборею. На маленькой кухне Павел Корольков и Марина пьют чай. Я знаю, что они подружатся.

2. Время

Люди думают, что время линейно. Случилось одно событие, следом за ним – второе. Потом третье. Потому что именно так устроена человеческая жизнь. Поступательно и невыносимо скучно. Одно за другим. На самом деле время всегда течёт нелинейно. Каждая секунда проигрывается в миллионах вариантов, и эти миллионы вариантов ежесекундно раскручиваются в триллионы сценариев. И вдобавок все эти сценарии происходят одновременно, параллельно и непрерывно. Мы иногда разрешаем людям оказаться в другом сценарии. Как правило, это происходит во сне. Во сне человеком легче управлять и можно быть уверенным, что он не совершит какую-нибудь глупость. Например, перестанет вырабатывать эфир.

Безумный художник Врубель прямо сейчас в палате клиники для душевнобольных кромсает на лоскуты свои брюки, приговаривая: «Почему брюки? Отчего брюки?» Он рвёт брюки на длинные тонкие полоски. Много длинных тонких полосок, разорванных руками. Он скоро умрёт, больной и всеми забытый. И вот эти слова про брюки будут неоднократно вспоминать его современники. К комнате Врубеля бежит сиделка. Он, конечно, не понимает «почему брюки» и как они связаны с картиной «Демон сидящий». Зато понимаю я. Я пошатнул эфирную проекцию и сфокусировал её

на брюках. Демон в джинсах. Врубель, девятнадцатый век, если считать вашими смешными цифрами. И я на Тверской в этих самых джинсах в двадцать первом веке! И события в девятнадцатом и двадцать первом веке происходят одновременно. И нет между ними никакого разрыва! Просто вы не умеете постигать пространство и верите в линейность времени. Впрочем, мы так и задумывали изначально. Если бы вы могли ощущать жизнь одновременно во всём многообразии её сценариев и без оглядки на время, вы вели бы себя совершенно по-другому. И все эти сценарии были бы вам, наверное, чрезвычайно интересны. Но вы знаете только один сценарий и думаете, что он единственный. И боитесь фантазировать. Поэтому мы так любим ваших писателей, художников, режиссёров. Они, по сути, делают то же, что и мы. Только мы – по-настоящему, а они – понарошку.

В квартире напротив Марины живёт писатель. Его зовут Александр Владимирович Солодилин. Если честно, ему очень хочется думать, что он писатель, хотя он просто PR-менеджер в крупной компании, которому до смерти надоела его работа. Чтобы найти выход творческой энергии, он пишет приключенческие романы, сам их раскручивает в средствах массовой информации, а потом сам же удивляется, что эти книги кто-то покупает и читает. Оставим в стороне художественную привлекательность этих книг. Тут важнее другое: он создаёт героев, придумывает им характеры, бросает этих героев в самые невероятные приключения и захватыва-

ющие истории. Он делает всё как мы. Только он управляет воображаемыми героями, а мы – реальными.

«Ну а кто тебе сказал, что люди, населяющие Землю, – реальные?» – спрашивает меня из Гипербореи Крок. Чувствую, что он всё время где-то рядом. Не любит материализовываться и управляет всем издалека. Он так привык. Я ему не отвечаю. Ему лишь бы болтать.

Александр Солодилин вполне неплохо живёт благодаря своей основной работе и даже купил себе небольшую квартиру на Тверской. Была у него такая мечта ещё со времён жизни в провинциальной Самаре. Купить квартиру в Москве, и непременно на Тверской, чтобы, высунувшись из окна наполовину, можно было бы увидеть Красную площадь. И чтобы фасадная стена дома была вся в мемориальных досках! Солодилину уже пятьдесят, он сед, но не лыс, достаточно остроумен и уже разведён. Повезло. Он придумывает истории и потом делает из них книги для того, чтобы оставить своё продолжение в таком странном и непостижимом ему течении времени.

Марина ему нравится, и его очень расстраивает, что она не обращает на него никакого внимания. Сегодня, открывая дверь своей квартиры, Солодилин видел, как Марина завела к себе в дом какого-то белобрысого растрёпанного шалопаю и быстро захлопнула дверь.

Эх, молодёжь! Ну что за нравы? Покачивая головой, Солодилин аккуратно запер свою дверь и собрался было спус-

каться вниз, к лифту, откуда навстречу ему с грохотом и прерывисто дыша вывалились четыре полицейских в полной боевой амуниции.

– Добрый день, – с вызовом сказал один из них, видимо, старший, переводя дух и всем своим видом показывая, что день совсем не добрый. – Только что сюда вбежал нарушитель общественного порядка.

Писатель задумался.

Я стою рядом и намеренно не вмешиваюсь. Мне интересно. Впрочем, я одновременно нахожусь во многих местах сразу. Вот лестничная клетка немного раздвинулась. Она ещё похожа на московскую, но уже совсем другая. Как минимум потолок выше. Появились окна без стёкол. Яркое солнце бьёт в проёмы, но освещает лишь часть лестницы, и яркость этого не по-московски горячего солнца привычно съедает мертвенная бледность стен. В углах возвышаются раскрашенные колонны. Вот прямо сейчас из-за одной выходит кроткая Хатшепсут – будущий великий фараон Египта, а сейчас вдова божественного Тутмоса Второго. Она очень похожа на Марину, и ей тоже двадцать лет. Царственна, юна, умна и красива. За окнами шумит многоголосая толпа. В Фивах большой праздник. Завтра ладья бога Амона выйдет из Красного Святилища.

Рядом с Хатшепсут постоянно находятся кошки. Она почитает их, ставит им памятники, а кошки милостиво ей дают почесать себя за ухом, красиво выгибают спины и призыв-

но мяукают. Правда, сегодня рядом с принцессой почему-то только один маленький котёнок. Сам котёнок серый, но одно ухо у него белое. Котёнок жалобно мяучит и жмётся к ноге принцессы.

Хатшепсут быстро смотрит по сторонам, потом коротким величественным жестом зовёт к себе кого-то. И тут же скрывается за колонной. Понятно, кому был адресован величественный жест юной правительницы. Гремя золотыми украшениями, к ней бежит первосвященник Амона Хапусенаб. Он торопливо оглядывается и тоже скрывается за колонной.

А вот царский архитектор Сененмут идёт по галерее. Он всё видел и немного смущён. Ему очень нравится Хатшепсут и так же сильно не нравится Хапусенаб. Но он понимает, что с Хатшепсут у него ничего быть не может. Ну просто совсем. Никогда. Это невозможно. Но уж очень ему не нравится первосвященник Хапусенаб. А ещё вчера он узнал страшный секрет Хапусенаба. И если сегодня ничего не сделать, то всё может закончиться трагически. Сененмут останавливается примерно в том же месте, где сейчас стоит писатель Солодилин, и нерешительно смотрит по сторонам.

Громыхая копыями и щитами, в зал врывается охрана фараона Тутмоса Второго. Воины вылетают на Сененмута неожиданно, и возникает неловкая пауза.

– Мы преследуем преступника. Зодчий Сененмут, вы видели здесь кого-то? – Начальник стражи склоняется в коротком и ничего не значащем поклоне.

Александр Владимирович Солодилин в замешательстве. С одной стороны, ничего не стоит указать пальцем в нужном направлении. Эти здоровенные парни запросто выломают дверь квартиры, быстро найдут преступника и наглеца, который почему-то понравился прекрасной девушке.

Найдут, уложат на землю и непременно для начала избыют. Именем фараона. Это уже потом будет справедливый суд божественного Амона, в котором всё честно и от возмездия не спрячется никто. Но сначала мерзавца обязательно избыют, чтобы было неповадно. В сегодняшний великий праздник Красного Святилища омрачить настроение жителей великого города не позволено никому. Стражники огромны и в своих блестящих доспехах похожи на броненосцев.

Александр Солодилин набирает в рот побольше воздуха, пожимает плечами и, вздыхая, разводит руками. Нет. Он никого не видел. Омоновцы, грохоча берцами, устремляются куда-то наверх. Но и там тоже никого.

Марина застывает, прижав указательный палец к губам, и внимательно смотрит в дверной глазок. Ей приятно, что живущий напротив пожилой господин оказался вполне себе нормальным парнем. Парнем? Павел Корольков стоит рядом и облегчённо переводит дух.

Принцесса Хатшепсут, увидев, что опасность миновала, берёт за руку человека, которого только что спасла, и уводит его куда-то вглубь дворца. Где-то неподалёку мелькнуло

воздушное белое одеяние Эо. Нравятся ей эти эксперименты с людьми! Я неодобрительно качаю недавно приобретённой лохматой черноволосой головой. Эо смеётся. Мне кажется, ей понравился мой новый образ.

Маленький белоухий котёнок осторожно пробирается мимо колонны и грустно смотрит, как быстро тает тень Хатшепсут в свете факелов из галереи сфинксов.

3. Эфир

Теперь я должен рассказать о самом главном. Самое главное – это эфир. Так гласит первая статья Великого Канона. Тайну эфира мы скрываем от так называемого человечества. Люди смутно догадываются о природе эфира: они понимают, что нечто важное, огромное, мощное и непреодолимое каждое мгновение пронзает всё находящееся на земле, что-то питая своей целительной силой, а что-то разрушая. Они сочиняют про это песни и стихи. Только они не знают природы этого великого проникновения во всё и вся, а мы знаем. Это и есть эфир.

Если рассказывать об эфире и ограничиться годами, когда существовала ваша цивилизация, наверное, можно вспомнить несколько имён ваших великих учёных. Так будет понятнее. В разное время природой эфира занимались Аристотель, Декарт, Ньютон, Эйнштейн. Русский учёный Менделеев, когда придумывал периодическую систему химических элементов, поставил под первым номером водород, но оставил перед ним квадратик для загадочного легчайшего элемента, который он обозначил цифрой 0. Некий неоткрытый газ под номером 0, пронзающий всё земное, да и неземное тоже. Он имел в виду эфир.

Эфир – это последний выдох умирающего человека. Эфир – это все переживания, волнения, радости, горести каждого

из вас, которые вы отправляете куда-то вверх, часто воздевая руки к небу. Эфир – это энергия Вселенной, её альфа и омега, её движущая сила, её материя и база. Эфир – это то, чем питаемся мы, те, кто создал ваш мир с его законами и обычаями. Но мы, к сожалению, не можем вырабатывать эфир.

Для этого нам нужны люди со всеми их переживаниями и волнениями. Ну, как вам нужны деревья, что вырабатывают кислород. Впрочем, деревья тоже вырабатывают эфир, только очень мало. Основной поставщик эфира – человек. Каждый раз, когда люди плачут, смеются, ругаются, сражаются, влюбляются, веселятся, они вырабатывают эфир, который впоследствии превращается в тончайшую и мощнейшую энергию, за счёт которой и существует Вселенная, да, собственно, и Гиперборея. Но про Гиперборею я, наверное, попозже расскажу.

Человек влюблённый вырабатывает эфир в каких-то непостижимых количествах. Очень много эфира получается во время войны, когда человеку по-настоящему страшно. Человек – удивительное существо, склонное к саморазрушению. Поэтому, когда заставляешь его вырабатывать эфир, главное – не перестараться. Человек может увлечься выработкой эфира и уничтожить сам себя. А этого допускать никак нельзя. Не будет людей – не будет эфира. Если люди начинают гибнуть незапланированно и непредсказуемо, то над всеми нами и над Великой Гипербореей может нависнуть серьёзная угроза. Самый лучший запланированный способ

контроля над человеческой популяцией – эпидемия. Ну, про эпидемии я попозже расскажу. А ещё бывают и незапланированные потери, и тогда нам приходится очень непросто.

Так было, например, когда несколькими северными цивилизациями было спровоцировано то, что вам известно как Великий потоп. Кровавая война уничтожила всё живое на планете и высвободила энергию океана, всепоглощающую и всеразрушающую. Мы тогда успели придумать и реализовать проект с Ноем, его ковчегом, несколькими спасшимися семьями и животными. В те годы нам было разрешено являться людям в любых обличьях, помогать им и поддерживать их всеми возможными способами. Мы даже на несколько столетий отменили болезни. Уже потом, позже, когда беда отступила, мы аккуратно, шаг за шагом, возродили человечество. Тогда всем было очень тяжело. Эфира катастрофически не хватало, и наши силы были истощены. Но ничего, справились!

Именно тогда Гиперборея явила нам новый Канон. Согласно ему, ни одна война теперь не должна истребить человечество полностью. И если кто-то из наших вдруг начинал излишне кровожадничать, нарушая Канон, его ждало неотвратимое наказание. Многие до сих пор не понимают, как уцелел Кукулькан после всех своих экспериментов над цивилизацией майя. Но остался, выжил. Хотя Гиперборея не была к нему благосклонна, я-то уж точно знаю!

Очень смешно получилось, когда люди придумывали си-

нонимы для названия одного из своих главных изобретений. Именно тогда Крок предложил: «А давайте подскажем им слово “эфир”». Все наши тогда согласились. И теперь для миллионов людей слово «эфир» навсегда связано с радио и телевидением. Так мы спрятали главную тайну, оставив её у всех на виду.

Александр Солодилин сегодня должен выйти в эфир. Он ведёт программу на радио. Рассказывает что-то о событиях, прошедших за неделю. Раз в неделю – это не внапряг, вполне можно утречком в выходной и «поэфирить» немного. И радиостанции хорошо, да и Солодилину неплохо – личный пиар дело не лишнее.

В это дело его втянул старый друг, заместитель генерального директора большого медиахолдинга и главный редактор программы. Он мило картавит и всё время загадочно улыбается. Он умница и интеллектуал, приехавший из Питера и завязнувший в хаотичной Москве, которую не любит, не понимает, но делает в этом городе вполне благополучную карьеру.

Александр Солодилин ведёт передачу под его началом и, как может, пытается защитить своего друга от московской хандры, иногда вытаскивая его на безумные пятничные посиделки и с грустью понимая, что скоро друг его эту самую карьеру сделает, рванёт куда-то ввысь, гарантированно потеряв старых друзей в обмен на возможность приобрести новых, пусть не очень желанных, но ресурсных. Но это будет

потом. Сейчас они пока ещё вместе сидят в разнообразных значных местах, которыми так богата вечерняя Москва, пьют наперегонки водку и жалуются друг другу на разнообразные проблемы. А мимо их столика совершенно равнодушно проходит жизнь и юные упругие девицы. Поэтому субботние радиоэферы для Солодилина не только личный пиар, но и помощь другу, возможность увидеть его и поддержать в череде будней.

Александр выходит из своей квартиры, закрывает дверь. Всё как в тот раз, только на лестничной клетке нет ни Марины, ни Павла, ни царевны Хатшепсут, ни стражи фараона. Он спускается по лестнице вниз и выходит из подъезда. Во дворе совершенно безлюдно – ранним субботним утром город всегда спит.

Александр Владимирович идёт к аккуратно припаркованной большой чёрной машине, которая ему очень нравится. Машину он купил по случаю, получив бонусы за работу в прошлом году в своей большой и респектабельной компании. Уже у дверцы Александр Владимирович останавливается и напряжённо вслушивается в утреннюю тишину. Какой-то странный звук. Он обходит машину и находит его источник. Маленький серый котёнок, жалобно мяукая, прижимается к заднему колесу. Котёнок серый, но одно ухо – абсолютно белое. Ночью ему пришлось несладко: расцарапанная мордочка покрыта запёкшейся кровью, задняя лапка волочится. Котёнок тянет такое жалобное «мама-а-а-а-а-ау»,

что, кажется, уже ни на что не надеется.

Солодилилин никогда никакой живности не держал, справедливо полагая, что это влечёт за собой дополнительные хлопоты и проблемы. Из живности у него когда-то были жена и дочь. С женой он давным-давно развёлся, а дочь стала взрослой, живёт отдельно и при каждом удобном случае говорит, что у неё всё хорошо.

– Что же мне с тобой делать? – спрашивает белоухого котёнка Солодилилин.

Это он не сам спрашивает. Это я ему подсказал. Котёнок жалобно смотрит на Солодилилина грустными карими глазами. Из одного глаза бежит маленькая слезинка.

Александр Владимирович смотрит на часы, потом по сторонам. Потом опять по сторонам, потом опять на часы, потом на котёнка. Тот затих и перестал шевелиться. Солодилилин вздыхает, вытаскивает из бардачка свежую тряпочку, которую купил в автосервисе для каких-то машинных дел, но так и не использовал. Опускается на корточки и аккуратно заворачивает котёнка. Белоухий молчит и не мигая смотрит на человека. Солодилилин укладывает котёнка на заднее сиденье, садится за руль и едет на радиостанцию. Иногда посматривает на котёнка в зеркало заднего вида. Котёнок внимательно смотрит на Солодилилина и тихонько лежит на тряпочке.

– Что же мне с тобой делать? – ещё раз спрашивает Солодилилин, уже сам. Но котёнок не отвечает.

Что-то приятное разливается в душе Александра Солоди-

лина. Что-то хорошее, доброе. Он не понимает, что это, потому что людям не дано постичь природу эфира. Люди только знают, что за чем-то хорошим и добрым впоследствии придут какие-то житейские проблемы, и потому стараются это хорошее и доброе не очень-то практиковать: себе дороже. Но иногда это случается, и какое-то время люди, сделав хороший и добрый поступок, абсолютно счастливы.

Впрочем, справедливости ради стоит заметить, что и злые поступки тоже приносят людям, которые их совершают, некое подобие счастья. И за эти поступки их тоже ждёт расплата. Всегда. За всё, что вырабатывает драгоценный эфир, человек обязательно будет расплачиваться. Это – одно из основополагающих Правил мироздания, Великий Канон.

В помещении радиостанции, куда Солодилин притаскивает с собой котёнка (не в машине же его оставлять!), вокруг находки собирается охающий дамский консилиум. Одна девушка, выпускающий редактор, обтирает мордочку котёнка влажной салфеткой. Другая, корреспондент службы новостей, находит блюдечко, наполняет молоком и ставит перед котёнком. А когда Александр Владимирович отправляется в студию, чтобы готовиться к выходу в эфир, она, присев рядом с котёнком, задумчиво гладит его по маленькой голове. Котёнок щурится и начинает тихонько урчать.

Программа проходит отлично. Город уже проснулся, и люди, которые сели в миллионы машин и отправились по каким-то своим делам, включив миллионы радиоприёмников,

теперь знают последние новости, получив их в солодилинской трактовке с правильно расставленными акцентами. Акценты очень важны. Потому что, если они будут расставлены неправильно, несколько очень богатых акционеров разозлятся и перестанут платить деньги сотрудникам радиостанции, говоря, что те даром едят свой хлеб. А хлеб сотрудникам радиостанции нужен, поэтому они стараются.

Сегодня всё прошло просто отлично. Главный редактор выходит из своего кабинета и лично жмёт руку Солодилину: «Старик, ну ты сегодня отжёл!» Солодилилин обнимает друга и зовёт «посидеть в следующую пятницу». Друг на это предложение всегда странно морщится, начинает рассказывать, как много ему предстоит совершить разнообразных дел дома и на работе, но потом, как всегда, соглашается.

Александр Владимирович заходит в приёмную и забирает котёнка. Тот благодарно урчит и уже совсем не выглядит таким несчастным, каким был утром. Путь назад кажется короче, хотя машин в городе уже много. По дороге домой Солодилилин останавливается около магазина «Кот и пёс», покупает упаковку кошачьего корма, лоток и специальный наполнитель для этого лотка, который, как написано на этикетке, «отбивает неприятный запах».

Машину удаётся поставить неподалёку от дома, на резидентской парковке. Солодилилин идёт домой, держа в руках, помимо привычного портфеля, котёнка, корм, лоток и наполнитель. Котёнок терпеливо молчит, хотя ему не очень

удобно сидеть на руках между портфелем и кормом. На третьем этаже колышется занавеска: Марина выглядывает в окно и видит Александра Солодила, который бережно несёт котёнка домой. И вот что удивительно: оттого, что её сосед подобрал во дворе котёнка, Марине почему-то тоже становится хорошо и приятно на душе. Раньше она смотрела на Солодила безо всякого интереса, а теперь с удивлением отмечает, что этот человек с благородной сединой, вообще-то, добрый и вполне себе привлекательный. В Гиперборею уносится мощный сгусток эфира. Я доволен.

4. Плантация

Человечество – это гигантская плантация по производству эфира. Люди должны постоянно вырабатывать эмоции, из которых эфир и состоит. Наша задача: следить за тем, чтобы весь эфир поступал в Гиперборею. Для этого придуманы разнообразные механизмы: государства, правители, религии, деньги, любовь, работа, война, друзья, враги. За многие годы существования человечества чего только не случилось! Я уже рассказывал про войны, потопаы, эпидемии, но существует ещё одна страшная опасность и для нас, и для всей Гипербореи. Опасность эта – в появлении людей, которые самостоятельно приближаются к постижению тайны эфира. Так, например, было с Буддой.

Я хорошо помню этого решительного человека, однажды ушедшего из собственного дворца на поиски жизненных истин. Я находился рядом с ним, когда он погрузился в первую медитацию. Мы были в красивом саду, среди благоухающих деревьев, а вокруг нас пели птицы. Будда тогда максимально приблизился к разгадке тайны и впоследствии посвятил свою жизнь концентрации энергии внутри себя, не отдавая её Гиперборее.

Естественно, даже малая часть этого эфира позволила ему переноситься во времени и пространстве, потому что время и пространство – это одно и то же, просто у обычного

человека нет сил для таких опытов – он отдаёт эфир, играя в придуманные нами житейские игры. Ведь драгоценный эфир, которым питается всё живое и неживое, получается из обычной человеческой суеты. Человек, нашедший в себе силы оторваться от суеты, представляет серьёзную угрозу для обычного хода мироздания. За то, что я тогда не помешал индийскому принцу, мне здорово досталось. Именно в те годы я и перестал работать в Индии.

К счастью, человек слаб. Людям хочется простых и понятных символов, которыми за многие тысячелетия мы наполнили всё их жизненное пространство. Семья, достаток, благополучие, деньги, власть – это всё крючки, на которые обязательно ловится человеческий индивидуум. Будду, после десяти лет постоянных и безуспешных попыток, мы всё-таки «поймали». И «поймали» на его же учениках. Они боготворили своего учителя, а учитель начал ими мудро руководить, кого-то считая очень способным, кого-то – нет, кого-то истинным последователем, а кого-то – не способным познать его учение. Он начал приближать к себе одних, отдалять других, и одновременно с этим в Гиперборею наконец-то пошёл эфир и от Будды.

Спустя тысячу лет мы получили проблему Будды уже в гораздо более тяжёлой форме. Сразу в нескольких тибетских монастырях начали практиковать одновременную медитацию около сотни монахов. Так как они были абсолютно отключены от житейской суеты и хорошо подготовлены,

первый же их сеанс так потрянул пространственно-временное инерциальное поле, что планета Земля сдвинулась с орбиты и чуть не столкнулась с крупным астероидом.

Нужно было принимать решительные меры, потому что монахи не имели никакого представления о том, какой разрушительной силы энергию они выработали и какие страшные дела эта энергия может натворить. Все мы тогда срочно занялись и Тибетом, и Китаем. Мы начали культурную революцию и разрушили основную часть монастырей, тех, в которых монахи действительно приблизились к сокровенным тайнам мироздания. Те же монастыри, где занимались банальными фокусами, мы, конечно, оставили. Люди должны жить своими людскими проблемами, а не пытаться разбираться в строении Вселенной, выяснять что-то про Гиперборею или Великий Канон.

Неожиданный звонок в квартиру давно является анахронизмом, поэтому Солодилин в первую секунду растерялся. Ведь если какой-то человек поднимается к тебе, ты об этом узнаёшь по сигналу домофона. Нет, даже ещё раньше – с того момента, когда ты договорился с кем-то по телефону о времени его визита. Твоим визитёром может быть кто угодно: друг, знакомый или курьер с пиццей. Но сейчас звонили именно в дверной звонок и безо всяких предварительных договорённостей. Аккуратной, недлинной и тактичной трелью. Александр Владимирович открыл дверь. На пороге стояла Марина. Она была немного смущена и проговорила отрепе-

тированную речь несколько быстрее, чем предполагала.

– Здравствуйте. Извините, пожалуйста, что отвлекаю. Я просто поблагодарить вас хотела. В общем, спасибо, что сегодня меня не заложили.

– Вы заходите, – Александр Владимирович посторонился и осторожно махнул рукой куда-то в сторону кухни.

Марина подумала и вошла. В коридоре на неё с интересом посмотрел котёнок, который до этого что-то сосредоточенно искал в солодилинской тапке. Рядом стояло блюдо с водой и пакет с кошачьим кормом, который хозяин ещё не успел открыть. Котёнок наполовину высунулся из тапочки, громко, отчётливо и по-хозяйски сказал: «Ма-а-а-а-а-а-а-а-ау», после чего ещё раз дружелюбно взглянул на Марину.

– Ой, какая прелесть! – Девушка присела возле зверька. Котёнок тут же услужливо подставил спину: вот, пожалуйста, гладьте меня!

Марина начала гладить котёнка. Тот благодарно заурчал и осторожно потёрся об её руку. Марина засмеялась:

– А он у вас дамский угодник!

Солодилилин улыбнулся. Он не знал, что сказать. Было удивительно, что юная нимфа, которая никогда даже не смотрела в его сторону, теперь вдруг находилась у него дома, гладила котёнка и заливисто смеялась.

Так началась другая жизнь. Марина заскакивала всегда неожиданно, и было совершенно невозможно представить, сколько времени она проведёт у Александра Владимирови-

ча на этот раз. Иногда она приносила кошачий корм, иногда ей срочно нужно было выяснить для какой-то своей домашней художественной работы, какого преимущественно цвета туники носили древние греки (а Солодилин это, конечно, знал), но чаще она просто садилась на широкий кухонный подоконник и курила, сбрасывая пепел куда-то в бездну вечернего города.

В квартире Солодилина был ещё балкон, но он выходил во внутренний двор и был гораздо менее интересен, чем это кухонное окно с широким подоконником и видом на Тверскую. Марина уютно устраивалась на подоконнике и рассказывала о своей учёбе в Строгановке, про то, как ещё с детства мечтала стать художником, про то, как сложно в наше время красивой девушке найти настоящую любовь, про несовершенство мира, про то, как она скоро сдаст все экзамены и обязательно будет путешествовать, и ещё много про что.

Это странное взаимодействие двух, казалось бы, совсем не подходящих друг другу людей приносило в Гиперборею гигантское количество эфира. Я даже начал бояться, выживет ли Александр Владимирович после такого. Я-то знал, что со здоровьем у самозванного писателя есть проблемы. Собственно, сами скоро всё увидите. Но он ничего, держался. А Марину – Марину так просто несло.

– Представляете, Александр Владимирович? – Она всё же была с ним на «вы». – Ему ночью приснился его дедушка, который так и сказал: мол, сегодня ты будешь убегать от по-

лиции и тебя спасёт дверь подъезда, а за этой дверью живёт твоя любовь! Представляете, это ему всё во сне сказали, он мне поклялся!

Александр Владимирович тоже затянулся сигаретой и задумчиво спросил:

– А ты хоть любишь его?

Марина на мгновение задумалась, а потом быстро ответила:

– Ну, это ведь судьба. Вы верите в судьбу?

Если бы у меня был голос, я бы засмеялся. Потому что все эти истории про судьбу мы придумали много тысяч лет назад, но каждый раз удивляемся, как легко люди в них верят. И, даже разуверившись, всё равно держатся за них, как за спасительный обломок мачты после кораблекрушения. Везучий юноша Павел Сергеевич Корольков стал возлюбленным Марины и, судя по всему, начал привыкать к этой замечательной роли. Казалось бы, сумасшедшая связь двух молодых людей должна была давать большое количество эфира. Ан нет! Удивительно, но совершенно невинные разговоры, происходившие у Марины с Александром Владимировичем на кухне, выбрасывали в Гиперборею эфир, равноценный шести-семи ночам, полным безудержного молодецкого секса с Корольковым.

– Судьба – это наши с тобой мечты и, по большому счёту, химеры. – Солодилин сощурился, и взгляд его не без удовольствия скользнул по Мариной фигуре, изящно изогну-

той для, казалось бы, неудобного сидения на подоконнике.

Марина этот взгляд безошибочно считывала и выгибалась ещё эффектнее:

– Вы даже не представляете, как мне с ним хорошо. Мы давно проникли за все возможные запреты.

Солодилилин молча закуривал, тоже стряхивал пепел в яркую ночь Тверской и задумчиво спрашивал у юной девы:

– Родители-то твои что говорят?

Марина молчала. Родителям она пока ничего не рассказывала про неожиданно объявившуюся любовь. А вот про Солодилилина рассказывала. Про Солодилилина рассказывать почему-то было не страшно. Мама после некоторого замешательства попыталась выяснить две важные для себя вещи: было ли у них уже что-то с этим пожилым человеком, а если нет, не приставал ли он? Узнав, что нет и не приставал, мама успокоилась. А зря. Потому что на вопрос о приставаниях Марине ответить было не очень просто. Нет, Солодилилин точно не приставал, но Марине порой казалось, что именно приставал. И даже, может быть, хотелось, чтобы приставал. Чтобы она ему могла сурово сказать: «Эх, Александр Владимирович! Вы ведь взрослый человек! Ну как вам не стыдно?» Марина всё это живо представляла себе уже много раз, но Солодилилин всё не давал повода так сказать. А сказать так очень хотелось. Интересно, что занятая всеми этими мыслями о пятидесятилетнем Солодилилине Марина про молодого и перспективного Королькова вспоминала гораздо реже. А

ещё с Корольковым было совершенно неинтересно разговаривать. Он всё время нёс какую-то самовлюблённую ахинею про молодёжный протест всех против всего и совершенно не интересовался тем, что, собственно, было интересно Марине.

С Солодилиным всё было по-другому. Тут в основном говорила Марина, сидя на подоконнике, увлечённо размахивая зажжённой сигаретой и поправляя непослушные волосы, которые постоянно и картинно падали на глаза. Александр Владимирович очень внимательно слушал. Иногда он что-то отвечал или рассказывал, но именно Марина всегда задавала тему разговора и всегда ставила в нём точку. С Корольковым так не получалось.

Однажды у Марины с Александром Владимировичем разговор зашёл далеко. Марина, как обычно, сидела на подоконнике, болтала ногами и курила, а Александр Владимирович разливал по бокалам холодное белое вино. Они обсуждали электронную почту, говорили, что в прежние времена настоящие письма шли неделями, иногда месяцами, а теперь достаточно просто нажать кнопку – и твоё электронное послание мгновенно окажется перед глазами адресата, который может находиться за много тысяч километров от тебя.

– Скажи... – Иногда Марина сбивалась на «ты», но потом, как правило, исправлялась, и это всегда было очень мило. – Вот ты, Александр Владимирович, пробовал когда-нибудь писать письма самому себе, в детство? Ну вот ты уже

большой и взрослый – и вдруг пишешь письмо тому маленькому мальчику, каким себя помнишь? – Марина с интересом повернулась к Солодилину.

– Я? Я даже не знаю... – Солодилилин оказался не готов к такому неожиданному вопросу, и Марине очень понравилось, что она застала его врасплох.

– Ну вот смотри. – Глаза Марины распахнулись шире. – Представь, что ты, когда был маленький, мог бы получить письмо от себя взрослого, где ты, взрослый, рассказываешь с высоты своего жизненного опыта сам себе, что хорошо, а что плохо, что правильно, а что неправильно, что стоит делать, а что – нет.

– Но ты же понимаешь, что такое письмо невозможно себе, юному, туда, в прошлое, отправить?

– А вот если было бы можно? – Марина упрямо тряхнула чёлкой, которая тут же послушно опустилась на глаза, и теперь потребовалось отработанное красивое движение рукой, чтобы чёлку эту поправить.

– Даже не знаю, – Солодилилин задумался. – А ты?

– Ну, я ещё ведь совсем маленькая, – улыбнулась Марина. – У меня просто ещё нет того знания, которое нужно обязательно себе в прошлое из своего будущего передать.

– А мне иногда кажется, что вообще нет никакого прошлого и никакого будущего. Есть только настоящее и появляющиеся по мере износа организма человека болезни. Я себя действительно ощущаю абсолютно молодым, а вот подхо-

жу к зеркалу и вижу – нет, не молодой всё-таки, – усмехнулся Александр Владимирович. – По большому счёту, и в старости, и в молодости мы все хотим одного и того же. Просто потом эти желания как-то трансформируются в связи с приобретённым опытом и болезнями, но суть остаётся той же.

– Ты в молодости, наверное, был очень симпатичным? – Марина улыбнулась, предугадывая ответ.

– О да, я был ого-го, – послушно ответил Солодилин и решительно махнул холодный бокал белого вина. Он взял со стола телефон, подвигал вперёд-назад разноцветные картинки и, отыскав одну, чёрно-белую, протянул Марине: – Вот, гляди! Это я в военном училище.

Марина замерла. Со старой фотографии на неё смотрел молодой симпатичный чёрно-белый нахал, по пояс голый, лохматый и немного задумчивый. Что-то неуловимо знакомое почувствовалось в этом взгляде. Марине показалось, что она точно где-то видела этого молодого красавца. Впрочем, очевидно, что на фотографии был изображён Солодилин, только лет на тридцать моложе.

– Слушай, а мы с тобой не могли встречаться раньше? У меня такое впечатление, что я этого парня знаю, – Марина справилась с волнением и игриво ткнула пальчиком в экран солодилинского телефона.

– Мне почему-то тоже всё время кажется, что мы с тобой встречались раньше, – сказал Солодилин очень серьёзно и замолчал. И от этой неожиданной серьёзности и последовав-

шего за ней молчания фраза приобрела какой-то глубокий и даже мистический смысл.

Марина вначале хотела, смеясь, сказать, что тридцать лет назад обязательно в такого парня влюбилась бы, но она тогда только родилась. Но она внимательно посмотрела на Солодилина и ничего не сказала. Потому что она вдруг отчётливо поняла, что ей и этот Солодилин вполне нравится. Даже вот такой, пятидесятилетний. И что она его действительно где-то видела. Но где? Может, во сне? Так, значит, он ей снился? Марина немного смутилась, а потом неожиданно сказала о другом, но тоже сокровенном:

– Представляешь, мне всё время снится какой-то странный сон. Тревожный такой сон, ничего толком из него не помню. Но почему-то твёрдо запомнила из него какие-то странные цифры и буквы. 4к-2492. Что это такое? Что это за 4к-2492? Представляешь, так прямо в память врезались, что я даже именно такой код от двери подъезда сделала, когда помогала нашему дворнику систему устанавливать.

– Да, точно, 4к-2492 – это наш код в подъезд, – повторил Солодилин. – Но замок же сломали!

– Ну, это сейчас сломали. Это ангелы! Я же рассказывала, как Паше во сне явился его дедушка и сказал, в какую дверь бежать.

– Марина, ангелы дверные замки не ломают. Они в лучшем случае их чинят.

В этот самый момент неожиданно громко завибрировал

мобильный телефон.

– Ой, это Паша! – Марина сорвалась с подоконника и торопливо поцеловала Солодилина в щёку. – Завтра увидимся!

Она помчалась в прихожую, схватила забытую на вешалке кожаную куртку, махнула Александру Владимировичу и выбежала вон.

Дверь защёлкнулась. Котёнок грустно посмотрел на Солодилина. А Александр Владимирович неторопливо закурил, подошёл к окну и задумчиво сказал то ли котёнку, то ли куда-то в беззвёздное московское небо:

– Такие дела, брат...

Александр Владимирович даже не представлял себе, насколько невероятно и совсем скоро изменится не только вся его жизнь, не только жизнь Марины, но и жизнь всего человечества. Пока он курил, глядя сверху на шумящую Москву, на всё живое уже надвигалось то, что ни один смертный остановить был бы не в силах, даже если бы и знал об угрозе.

Нет, конечно, мы видали всякое и понимали, что совершенно необходимо немного сократить количество людей для их же блага, одновременно с этим получив большое количество эфира для Гипербореи. Просто мы так давно, по человеческим меркам, этого не делали, что люди совершенно забыли, что такое война или, скажем, эпидемия. Медленно, но неотвратимо пришло время, чтобы им об этом напомнить.

5. Эпидемия

Яркое солнце медленно вошло в зенит и остановилось над великим городом, лежавшим в истоме и опустошённости. Наступила звенящая тишина. Не было слышно обычного в это время многоголосого человеческого гомона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.